

ОКТЯБРЬ В ГОМЕЛЕ

В подготовительной кампании ко II Всероссийскому съезду Советов Гомельский Совет по всем основным вопросам: о войне, о власти и о земле — принял наши большевистские резолюции. Было избрано два делегата (большевик и левый эсер), которым был дан наказ добиваться перехода всей власти в руки Советов.

Тогда же был переизбран исполком Совета. В значительном большинстве в него вошли левые. Наша же фракция получила шесть мест из пятнадцати и два места в президиуме.

При получении первых отрывочных известий о происшедшем 25 октября в Петрограде перевороте, о бегстве Керенского, о Викжеле и т. д. возбуждение и радость, а вместе с тем и тревога охватили нашу большевистскую организацию, всех солдат гарнизона и значительную часть рабочих. Почти во всех частях гарнизона и на многих предприятиях на громадных митингах нам удалось провести резолюцию сочувствия и решительной поддержки происшедшему в Петрограде перевороту. Солдаты рвались в бой, требовали немедленно вести их против Керенского, и нам стоило больших трудов удерживать их. Наиболее революционные воинские части были переведены на боевое положение и действительно готовы были по первому нашему зову выступить в бой. Тогда же нами были сформированы первые отряды Красной гвардии из 400 рабочих, членов нашей партии и сочувствующих, вооруженных винтовками и револьверами, которые мы взяли революционным путем из оружейной базы Западного фронта.

Соглашатели тоже взбудоражились и, опираясь главным образом на городскую думу и на уездный Совет крестьянских депутатов (так как из городского Совета рабочих и солдатских депутатов они были на три четверти уже вытеснены), стали вести усиленную кампанию против переворота, принимая резолюции в поддержку Временного правительства, распространяя всякого рода лживые сведения о происходящих в Петрограде событиях, о победах Керенского, генерала Краснова и т. д.

В смысле же получения правильных сведений о действительном ходе событий мы очутились в самом тяжелом положении. Засевшая в Могилеве в Ставке вместе с генералом Духониным кучка правых эсеров (Гольман и др.), в том числе и специально

приехавший туда Чернов, рассылала с целью внесения разложения и уныния в революционные массы рабочих и солдат по всей стране вымышленные телеграммы и сообщения о победах Керенского, о неудаче переворота, о том, что провинция и фронт не поддержали переворота, который неизбежно обречен на неудачу. К нам в Гомель, кроме первых сообщений, полученных непосредственно из Петрограда в ночь на 26 октября, больше никаких сведений вплоть до окончания боев с войсками генерала Краснова под Петроградом не поступало. Также ничего не было известно, каково положение дела в других местностях страны и на фронте. Шли только тревожные слухи о кровопролитных боях на улицах Москвы, о том, что железнодорожники в лице Викжеля предъявили новой революционной власти ультиматум с угрозой забастовки, и одновременно дюжинами получались провокационные телеграммы из Могилева, гласившие о безнадежном положении и неизбежном крахе Октябрьского переворота.

Трудно описать то состояние огромнейшего возбуждения и тревоги, в котором находились мы, а вместе с нами все революционно настроенные массы в эти дни.

28 октября было созвано заседание Совета, на котором должно было выясниться отношение гомельских рабочих и солдат к происходящим событиям и должен был быть решен вопрос, присоединится Гомель к перевороту, произведенному питерскими рабочими и солдатами и II Всероссийским съездом Советов, или нет.

Заседание это было чрезвычайно многолюдное. Будет не фразой, а самой подлинной действительностью, если скажу, что трудно найти те слова, которыми можно описать необычайно напряженное и возбужденно-сосредоточенное состояние и настроение, царившие на этом заседании. В тот вечер не было обычного шума, криков и аплодисментов, которыми раньше сопровождалось все заседания Совета.

Прения были чрезвычайно горячими и страстными. К концу их была оглашена только что полученная из Могилева новая лживая, провокационная телеграмма, извещавшая о том, что казаки Краснова при содействии восставших внутри города юнкеров вошли в Петроград, что ими окружен уже Смольный, что Ленин бежал и что большая часть членов большевистского правительства уже арестована. Эта телеграмма была выслушана молча, и, наверно, многие из тех, кто присутствовал на этом заседании, не забыли и долго не забудут этого момента и того состояния, которое пережили они тогда. После оглашения телеграммы были заслушаны еще раз представители всех фракций, и затем значительным большинством голосов была принята предложенная нашей фракцией резолюция, приветствовавшая происшедший переворот и обещавшая от лица гомельских рабочих и солдат полную поддержку вновь создавшемуся революционному рабоче-крестьянскому правительству. По принятии этой резолюции члены Совета молча разошлись.

Два дня после этого мы еще пребывали в мучительной неизвестности. Только 30 октября получены были наконец несколько более подробные сведения о перевороте 25 октября и о сопровождавших его в Петрограде и Москве событиях. В тот же день получено было известие о победе, одержанной под Пулковом питерскими рабочими над войсками генерала Краснова, о захвате этого генерала в плен и о бегстве Керенского. Одновременно со всех концов страны и со всех фронтов шли сообщения, что рабочие и солдаты всюду с громадным энтузиазмом встречают весть о перевороте, что везде власть переходит к Советам почти без сопротивления со стороны соглашателей и других агентов Временного правительства.

Состояние тревоги и напряжения, вызывавшееся неизвестностью, сменилось чрезвычайной радостью и подъемом, которые захватили всех солдат гарнизона и большинство рабочих.

Состоялось торжественное заседание Гомельского Совета совместно с уездным исполкомом Совета крестьянских депутатов, на котором большинством голосов было постановлено о переходе всей политической власти в городе и уезде в руки Советов и о немедленном отстранении и аресте всех агентов и представителей Временного правительства, которые не пожелают этого признать. Было принято также решение о необходимости в ближайшее время произвести общие перевыборы Совета и его исполкома. Эти перевыборы были произведены в ноябре и дали нам абсолютное большинство мест в Совете и в исполкоме.

Гомельские соглашатели не пошли по пятам своих московских и петроградских собратьев, не выступили активно с оружием в руках против Октябрьского переворота. Но на словах и в печати они всячески клеймили его, называли авантюрой, солдатским восстанием, спровоцированным большевиками, которое через несколько дней будто бы должно окончиться полным крахом. Они продолжали оставаться в Совете и исполкоме, произнося по каждому поводу длиннейшие и скучнейшие речи.

Постановлением того же заседания Совета был образован Военно-революционный комитет в составе девяти человек, в который вошло четыре члена нашей фракции, два левых эсера и по одному представителю от других фракций. Этому комитету было поручено осуществить переход к власти Советов.

Фактическое положение вещей на первых порах после Октябрьского переворота изменилось у нас в Гомеле очень мало, ибо и раньше, до Октября, вся реальная политическая власть в городе принадлежала Совету и все молчаливо эту власть признали. Сразу после переворота Совет принял на себя несколько основных функций общего управления городом и уездом, издал несколько приказов, выдавал разрешения на право ношения оружия. Руководство же большинством городских и уездных учреждений продолжало фактически оставаться в течение ряда недель в руках городской думы и уездной земской управы. Только понемногу и с

опаской приходили мы к необходимости взять в свои руки одну за другой все части административного и хозяйственного аппарата. Целиком процесс проникновения советской руки во все углы и закоулки прежнего аппарата и переустройства его на новый, советский лад не был закончен даже к моменту эвакуации советских органов при наступлении немцев в феврале 1918 года.

В уезде непосредственно после переворота власть от правых эсеров перешла к левым или, вернее, некоторая часть правых сразу стала «левой», а другая отстранилась от работы в уездном Совете крестьянских депутатов и ушла целиком в агитацию перед выборами в Учредительное собрание.

Идейное руководство и влияние в организации эсеров перешло к тем из них, которые раньше стояли во главе левого крыла. Хотя политически наша деревня гораздо более туго, чем город, приняла идею и смысл Октябрьского переворота и признала его, но Декрет о земле, изданный II Всероссийским съездом Советов, был с поразительной быстротой осуществлен здесь самими крестьянами. В течение трех недель большинство помещиков и их управляющих или арендаторов вынуждено было с большой поспешностью покинуть свои усадьбы. Вся их земля и инвентарь перешли в руки крестьян, причем дело не обошлось без разгромов и поджогов многих помещичьих имений и всякого рода иных эксцессов.

Первые восторги и упоения победой прошли. Началась страдная пора строительства новых форм жизни в необычайно тяжелой обстановке. Из партии, которая главную свою задачу видела в разрушении существующего, в революционной борьбе против старого, мы сразу превратились в партию, осуществляющую и отстаивающую господство трудящихся, в партию, которая главную свою задачу видит в строительстве и созидании нового. Надо было укреплять свою пролетарскую власть, готовиться к тому, чтобы отстоять ее от бешеного натиска всех сил старого мира, приближение и неизбежность которого в тот момент многие чувствовали.

Наша партийная организация, не колеблясь и не особенно долго раздумывая, приступила к этой новой своей работе, к разрешению тех новых задач, которые встали перед ней. Не было опыта и достаточной умелости, было много наивности и излишнего увлечения внешним, у некоторых было отсутствие трезвого учета объективной обстановки, отсутствие понимания всей величины и тяжести, которую взваливали мы на свои плечи. Но была беззаветная революционная решительность, был энтузиазм и вера в победу, была твердая решимость до конца осуществлять и проводить в жизнь только то, что диктуется интересами пролетариата, была железная пролетарская спайка и дисциплина. И с этим багажом мы смело выходили навстречу величайшим трудностям, выходили на дорогу, по которой до нас не ступала еще ни одна партия в мире.

*Рассказывают участники Великого
Октября. М., 1957, с. 371—376*